М.А. Семкин, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина;
e-mail: maxsiomkin@mail.ru

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ)

Настоящая статья ставит целью изучение лингвистических способов информационного воздействия на общественное мнение во время военных конфликтов. Отмечается, что информационное противостояние — это направленное воздействие на целевую аудиторию с помощью текстов, в которых интерпретация одних и тех же событий прямо противоположна. Анализируются методы и приемы информационной войны, сопровождавшие военные действия 2008 года в Южной Осетии. В предлагаемой работе анализ политического дискурса строится на использовании потенциала лингвистики с привлечением методологии смежных наук.

Ключевые слова: *дискурс, политический комментарий, массовая коммуникация, манипуляция сознанием.*

The paper aims at revealing linguistic ways and means of informational impact on public opinion accompanying military conflicts. It is stated that informational confrontation presupposes purposeful impact on target audience by means of texts that interpret the same events in the opposite ways. Georgia-Ossetia war of 2008 is analyzed. The analysis of the political discourse in the article is made involving potential of linguistics and overlapping sciences.

Key words: *discourse, political comment, mass communication, manipulation of consciousness.*

Для «информационной цивилизации» проблематика речевого воздействия СМИ на сознание человека в контексте вооруженных межгосударственных конфликтов является актуальной и востребованной в силу ряда причин. Современный мир нестабилен: в разных его регионах идут локальные войны, получающие неоднозначное освещение в СМИ. Становится очевидным, что наряду с военными действиями осуществляется информационное противоборство, которое является не только неотъемлемой частью военизированного конфликта, но по причиняемому ущербу может быть сопоставимо с боевыми операциями. Существенно важным является то обстоятельство, что если театр военных действий локально ограничен, то информационное противодействие рассчитано не только на противоборствующие стороны, но и благодаря техническим возможностям современных СМИ на самые широкие круги мировой общественности.

Исход противостояния интересов в современном мире в значительной степени определяется эффективностью технологий ведения информационной борьбы (войны), что объясняется тем, что, живя в обществе, человек мыслит и действует во многом на основе предпосылок и представлений, ценностей, взглядов и мнений, настойчиво внушаемых ему средствами массовой информации. Если реальная война предполагает захват и контроль физических объектов противника, то информационная война нацелена на управление сознанием, установками и действиями широких масс людей. Согласно Г.Г. Почепцову, информационная война — это коммуникативная технология воздействия на массовое сознание с целью внесения изменений в когнитивную, а затем и в поведенческую структуру человека [Почепцов, 2000а].

В лингвистическом понимании любая коммуникативная технология основывается прежде всего на слове, предложении, тексте. Иными словами, информационная война — это направленное воздействие на целевую аудиторию с помощью текстов, в которых интерпретация одних и тех же событий прямо противоположна.

Как известно, дискурс — та среда, в которую помещается текст[1]. С нашей точки зрения, дискурс политического комментария заслуживает специального рассмотрения, поскольку предполагает возможность субъективной интерпретации событий, существенно отличающейся от объективной картины происходящего, что ведет к существенному расхождению между текстом как таковым и его дискурсивной направленностью. На этом, собственно, и строится тенденциозное освещение и комментирование событий. Следовательно, важно понять языковые механизмы ведения информационных войн и уметь противодействовать их манипулятивному воздействию.

Изучаемое нами явление многоаспектно и для более адекватного описания требует привлечения данных разных наук. В частности, анализ информационной сферы требует привлечения понятийного аппарата социолингвистики и теории массовых коммуникаций.

Анализ контента показывает, что одним из важнейших приемов ведения информационной войны является *тенденциозно направленный подбор информации*, позволяющий решать такие задачи, как *фокусировка общественного внимания* (agenda setting process [Lippmann, 1997; McCombs et al., 1997]), *создание информационных барьеров* (gatekeeping [Lewin, 1947]), *формирование у общественности определенного представления о событиях* (spin-doctoring [Почепцов, 1999]). В работах Г.Г. Почепцова прием целенаправленного подбора ин-

[1] *Арутюнова Н.Д.* Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136—137.

формации описывается как размещение объекта в информационном поле нужной стороной и в нужное время [Почепцов, 2000б].

Анализ научных работ, рассматривающих информационный фон локальных войн: операций НАТО в Ираке [Бушев, 2004, с. 280—298], Югославии[2], российской военной кампании в Чечне [Жуков, 2002; Кольцова, 2002, с. 135—138], грузино-осетинского конфликта 2008 года [Красильникова, 2008; Жаров, Шервяков, 2009; Шарманова, 2009], дает основание сделать вывод о том, что практически всякий раз военные действия сопровождались не только серьезным информационным противостоянием, но и определенной технологией воздействия на массовое сознание.

В качестве примера информационной войны рассмотрим военный конфликт 2008 года в Южной Осетии, во время которого западные массмедиа, поддерживавшие в своих публикациях (материалах) позицию грузинской стороны, прибегали к разного рода приемам, выгодно представлявшим грузинскую точку зрения. Специально созданные сообщения СМИ имели своей целью широкий общественный резонанс.

С самого начала конфликта стало очевидным, что события в Осетии освещаются мировыми СМИ неадекватно. Большинство репортажей отражали внешнеполитические цели США, поддерживаемые другими западными странами, и были направлены на создание негативного образа России как агрессора, угрожающего интересам Запада в регионе[3].

Рассмотрим приемы информационного воздействия в текстах политических комментариев, относящиеся к периоду грузино-осетинского конфликта.

Классический пример *создания информационных барьеров* (gatekeeping) заключается в том, что в течение трех дней с начала грузинских бомбардировок осетинских городов и сел мировые СМИ намеренно не давали об этом никакой информации. Впоследствии на заседании Валдайского клуба[4] В.В. Путин отметил чрезвычайно слаженную работу западной прессы по умолчанию факта грузинской агрессии.

Скрыв факт защиты российской стороной народа Южной Осетии от грузинской агрессии, все иностранные медиаисточники объявили военные действия России захватническими, сфокусиро-

---

[2] См.: *Данилова А.А.* Косово 1999, или об одном приеме манипулирования сознанием в СМИ. http://www.adanilova.ru/2008/03/16/kosovo-1999-ili-ob-odnom-prieme-manipulirovaniya-soznaniem-v-smi/

[3] Cyber-guerres. http://www.centpapiers.com/cyber-guerres/34642 (14.09.2010).

[4] Председатель Правительства России В.В. Путин встретился с членами международного дискуссионного клуба «Валдай». http://government.ru/archive/archive/2008/09/11/8225672.htm (11.09.2008).

вав на них общественное внимание (agenda setting). Это позволило им расставить акценты понимания ситуации таким образом, что Россия выступила агрессором: "*The British, Swedes and most east Europeans have loudly condemned* ***Russia's aggression***"[5] (*«Британия, Швеция и большинство восточноевропейских стран резко осудили российскую агрессию»*). Внимание общественности было сосредоточено на том, что Россия вторглась на территорию суверенного государства: "***Russia's military humiliation of Georgia*** *and its stand off with America have unsettled the region*"[6] (*«Россия "военно унизила" Грузию и разорвала отношения с Америкой, что нарушило спокойствие в регионе»*).

Целью такой заведомо искаженной фокусировки общественного внимания являлось создание позитивного образа малой страны, отстаивающей свои демократические позиции (Грузия) и подавляемой сильной страной (Россией), что подразумевало формирование у общественности определенного позитивного представления об объекте описания (spin-doctoring). Актуализация оппозиции «сильный» — «слабый» в трактовке сути военного конфликта двух стран, провоцируемого сильной стороной, должно было вызывать однозначно негативную реакцию массовой аудитории по отношению к сильной стороне.

В лингвистическом аспекте приемы фокусировки общественного внимания и спиндокторинг основываются, по нашему мнению, на особом наименовании (номинации) реалий действительности. Так, действия России в Грузии были интерпретированы западными СМИ как «агрессия», «военное унижение Грузии». В подобных оценках наличествовала негативная коннотация. В результате действия Грузии, начавшей войну, получали определение "***adventure***"[7] (*«авантюра»*); военная кампания страны определялась как "***intention on asserting authority*** over South Ossetia and Abkhazia"[8] (*«намерение установить контроль над республиками Южной Осетии и Абхазии»*). Отметим попутно, что лексема "adventure", выражение "intention on asserting authority" сами по себе лишены какой бы то ни было экспрессии и негативной коннотации и поэтому не влекут за собой осуждения или порицания действий Грузии. На этом примере можно видеть, каким образом приемы agenda setting и spin doctoring, осуществляемые посредством номинации, оказывали влияние на общественное мнение.

---

[5] Treaty Gamesmanship // The Economist. 2008. 23 August.

[6] Russia's Central Asian Underbelly Rumbles Queasily // The Economist. 2008. 30 August.

[7] Europe Stands Up to Russia // The Economist. 2008. 6 Sept.

[8] Russian Warplanes Target Georgia. http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/index.html (09.08.2008).

Указанные приемы используются комбинированно: например, *прием создания информационных барьеров* может применяться совместно с *приемом дезинформирования* (*искажения информации*). Так, в приводимом ниже комментарии представлялась точка зрения Грузии, в то время как позиция России намеренно умалчивалась: "*Georgia is a peace-loving nation, but today we have been attacked from North to South, East to West*"[9]. («*Грузия — миролюбивая нация, но сегодня нас атакуют с юга на север и с востока на запад*»). При этом западные СМИ не транслировали прямые высказывания представителей Южной Осетии и политического руководства России. Зато президент Грузии появлялся на экране много раз и его речь на английском языке (без искажений перевода) доходила до всего мира.

Прием дезинформирования (нарушение критериев истинности высказывания) основывается на нарушении референции, т.е. соотнесенности высказывания с объектами действительности. Вопрос восстановимости истинных связей текста политического комментария с действительностью обусловливается тактикой искажения денотата, которая может производиться как на уровне всего события, так и на уровне его элементов: "*You know, how well the moment was chosen* [*by Russia to attack Georgia*], *look at it. You know, there are Olympic Games, nobody cares about politics. There is a U.S. election, of course, internal politics consumes everything.*"[10] («*И как удачно Россией был выбран момент* [*для нападения на Грузию*]! *Олимпийские игры, никто не думает о политике. В США выборы, внутриполитические дела поглощают все внимание*»).

Информационное противостояние предполагает также создание вокруг атакуемого объекта такой информационной среды, в которой вся представляемая аудитории информация однозначно негативна. Так, в показе грузино-осетинского конфликта 2008 года активизация образа России как врага была доведена до стадии холодной войны. Это достигалось за счет использования еще одного приема информационной войны — «*демонизации*» *образа противника***.** Внимание общественности специально акцентируется на жертвах войны. Причем о потерях Южной Осетии и Абхазии сообщается вскользь: "*1,600 killed in fighting*" («*В боях погибли 1600 человек*»). Но когда речь заходит о жертвах с грузинской стороны, человеческий масштаб трагедии передается в явно преувеличенном объеме с использованием экспрессивной лексики, с подробным описанием страданий мирных жителей [Данилова, 2009]: "*Russian*

[9] President of Georgia Mikheil Saakashvili met foreign journalists. http://www.president.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=227&info_id=2455 (11.08.2008).

[10] Official Statements on Russia-Georgia Conflict. Mikhail Saakashvilli and Mikhail Gorbachev — SRAS — The School of Russian and Asian Studies. http://www.sras.org/statements_on_russia_georgia_conflict_3 (11.09.2008).

forces have been specifically targeting ***civilian quarters****, they have specifically attacked and blew up the whole* ***civilian quarter*** *in the town of Gori, far away from the place where conflict area is and where is direct friction between forces are. They've attacked installations in the western part of Georgia, they've attacked* ***residential quarters*** *all around the country, they've attacked* ***civilian hospitals*** *and there are casualties. Most of casualties are among* ***civilians***"[11] («*Российские войска бьют прямой наводкой по гражданским кварталам, они специально атаковали и стерли с лица земли целый квартал с гражданским населением в Гори, вдали от зоны конфликта. Они атаковали военные сооружения в западной части Грузии, кварталы с мирным населением по всей стране, гражданские больницы; есть много жертв. Большая часть жертв — среди гражданского населения*»).

Очевидно, что подобного рода сообщения нацелены на пробуждение естественной жалости к жертвам противостояния и помогают сформировать определенное отношение мировой общественности к сторонам конфликта. Однонаправленный характер оценки ситуации наблюдаем и в следующем комментарии: "*Civilian European monitors* [*should*] ***protect Georgian villagers*** *from South Ossetian militias*"[12] («*Гражданские наблюдатели из Европы должны защитить жителей грузинских деревень от юго-осетинских ополченцев*»).

При этом активно используются вербальные и графические иллюстрации. К вербальным иллюстрациям относятся показания «очевидцев», носящие ложный или не типичный характер. "*Georgians always* ***helped*** *me and* ***I don't feel any pressure now****," says a South Ossetian woman who got trapped in Gori after the Russian attack*"[13] («"*Грузины всегда мне помогали и я не чувствую с их стороны никакого давления*", *— говорит южноосетинская женщина, которая оказалась в Гори после атаки русских*»). Этот комментарий вызывает большие сомнения, учитывая напряженный характер взаимоотношений между Грузией, Абхазией и Южной Осетией в последние годы[14]. Тем самым можно сделать вывод, что характер этого высказывания далек от истины, но это не мешает ему воздействовать на мнение аудитории.

Визуальный ряд также имеет большое значение. Так, во время конфликта появлялись фальсифицированные репортажи и фотографии из Гори, свидетельствующие о вине России; была создана несуществующая спутниковая карта «пожаров» грузинских сел

[11] President of Georgia Mikheil Saakashvili met foreign journalists. http://www.president.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=227&info_id=2455 (11.08.2008).

[12] Europe Stands Up to Russia // The Economist. 2008. 6 Sept.

[13] A Scripted War // The Economist. 2008. 16 August.

[14] Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. 2009. September. Vol. 2. P. 66—74.

и т.д. Представляя стороны конфликта, канал CNN показывал невооруженных резервистов, призванных к службе в Грузии и хорошо вооруженных русских солдат. Это также создавало имидж России как агрессора. Формировалась зрительная ассоциация: русские и осетины олицетворяют жестокость, грузины и их союзники символизируют беззащитное гражданское население.

В конечном счете, упомянутые приемы манипулятивного воздействия приводят к формированию у аудитории мифов, произведенных в интересах определенных политических групп. В частности, подобные «технологии обмана» (Я.Н. Засурский) помогли Грузии, в отличие от России, добиться поддержки ряда влиятельных международных организаций и части мировой общественности. Рядовому гражданину было невозможно получить правдивый отчет о событиях. Для восстановления истины понадобились аргументированные выступления российских руководителей, а также работа специальной международной комиссии по расследованию обстоятельств грузино-осетинского конфликта. И только тогда международное сообщество смогло узнать правду: "*Two months after the brief but bloody war in the Caucasus [with Georgia] which was overwhelmingly blamed on Russia by western politicians and media at the time, a serious investigation by the BBC has uncovered a very different story*"[15] (*«Два месяца спустя после короткой, но кровопролитной войны на Кавказе, вину за которую западные политики и СМИ всецело возлагали на Россию, серьезное расследование BBC раскрыло совсем другую картину*)» // "*Tbilisi launched indiscriminate assault on South Ossetia*"[16] (*«Тбилиси осуществил нападение на Южную Осетию*»).

Независимое международное расследование[17], инициированное Евросоюзом, установило вину Грузии как агрессора, начавшего войну. Это дает основание утверждать, что многочисленные сообщения западных СМИ являлись ложными (искаженными). Международное сообщество признало вину Грузии, но примененные информационные приемы уже повлияли на массовое сознание, сформировав определенные стереотипы в отношении сторон конфликта: для значительной части мирового общественного мнения Россия оказалась в роли агрессора.

Исходя из сказанного, можно сделать ряд выводов.

1. Информационные технологии становятся важнейшей составной частью современной мировой политики, особенно в ситуации

---

[15] Milne S. The Truth about South Ossetia // The Guardian. http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/oct/31/russia-georgia (31.10.2008).

[16] *Traynor I.* Georgian president Mikheil Saakashvili blamed for starting Russian war // The Guardian. 2009. 30 Sept.

[17] Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. 2009. September. Vol. 2. P. 66—74.

военного конфликта. Любое значимое событие рассматривается аудиторией на определенном информационном фоне. Контент, передаваемый СМИ, обладает гораздо большей силой, чем это было ранее: быстродействие и широкое распространение социальных сетей значительно увеличило мощь информационного оружия.

2. Феномен информационной войны должен рассматриваться всесторонне на интегративной основе, с привлечением инструментария различных наук, и прежде всего лингвистики. Именно лингвистика раскрывает сущность и способы манипулятивного воздействия, так как средствами языка воссоздается и конструируется информационный аналог (или псевдоаналог) реальной действительности. Несмотря на многоканальность передачи информации (видеоряд, звукоряд, фотографии), информационные войны — это в первую очередь обмен текстами. Язык может являться выражением как правды, так и неправды. Отклонение от истины реализуется прежде всего средствами языка, так как именно язык является ведущим средством коммуникации.

3. Манипулирование в дискурсе политического комментария во многом происходит на уровне номинации реалий.

4. В случаях отклонения от истины адресат сталкивается не с объективным описанием действительности, а с вариантами ее субъективной интерпретации, когда манипулятор посредством целенаправленной системы лингвопсихологических приемов незаметно внедряет в сознание аудитории нужную ему картину действительности.

Список литературы

Бушев А.Б. Риторический анализ паблик рилейшнз Пентагона при освещении военной операции в Ираке (2004) // Сб. науч. трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2009.

Жаров М., Шервяков Т. Хроники информационной войны. Серия: Войны. М.: Европа, 2009.

Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: Особенности освещения Северокавказского конфликта 1998—2000 гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.

Кольцова О.А. СМК, войны и терроризм в электронном обществе (на примере Чечни) // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» — «Коммуникация-2002» (“Communication Across Differences”) Ч. 1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002.

Красильникова Н.А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2008. Вып. (3) 26.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, 1999.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, 2000а.

Почепцов Г Г. PR для профессионалов. М.: Рефл-бук, 2000б.

Техника дезинформации и обмана / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.

Шарманова О.С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной непрямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. Вып. 2 (28).

Lewin K. Frontiers in Group Dynamics // Human Relations. 1947. Vol. 1. N 2.

Lippmann W. Public Opinion. Free Press, 1997.

McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.L. Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory. Mahwah, N.J. Lawrence Erlbaum, 1997.

Поступила в редакцию
15.05.2011